

Макс Лукаго

История,
рассказанная
ангелом

Макс Лукадо

История рассказанная ангелом

Первое Рождество, вид с неба

Перевод с английского

Max Lucado

An Angel's Story

Thomas Nelson, Inc. Nashville, USA

All rights reserved.

Взяв за основу всем известный рождественский сюжет, Макс Лукадо, один из самых популярных христианских писателей Америки, пытается представить противостояние, которым в духовном мире сопровождался приход Христа на землю, — а такое противостояние, несомненно, было весьма ожесточенным. Если бы сатане удалось не допустить появления Христа в колыбели, Христа на кресте попросту не было бы. Отправьтесь в путешествие во времени назад, к Божьему престолу, где все началось, и станьте очевидцем тех славы, чудес и борьбы, которые сопровождали первое Рождество.

предисловие

На страницах Священного Писания мы находим множество историй о духовных существах. Поющие ангелы и несущие погибель бесы. Небесные воинства, сражающиеся с прислужниками сатаны. Уберите из Писания упоминания о воинствах Бога и сатаны, и Библия перестанет быть Библией. Начиная с грехопадения, когда змей искусил Еву в Эдемском саду, мы понимаем — не все в этом мире можно увидеть глазами.

О духовных существах нам известно немного — меньше, чем хотелось бы знать. Как они выглядят? Сколько их? Каковы их намерения и замыслы? Об этом мы можем лишь догадываться.

Эта книга - одна из таких догадок. Встретившись с размышлениями Дэвида Ламберта на эту тему, я попытался представить, какие сражения в духовном мире сопровождали приход Христа на землю. Сражения были, и в этом нет сомнения. Если бы сатане удалось не допустить появления Христа в колыбели, то Христа на кресте просто не было бы. Сатана не упустил бы такую возможность, как вам кажется?

Я уверен в том, что он сделал все возможное, чтобы предотвратить приход Спасителя в этот мир. Духовное противостояние, сопровождавшее эти события, было, вне всякого сомнения, намного более великим, чем мы можем себе представить. Одно мы знаем достоверно - имя Победителя, потому что мы знаем, что Он все-таки пришел.

Я молюсь о том, чтобы эта книга напомнила вам о великой силе и любви Божьей.

Пользуюсь случаем поблагодарить Аллена Арнольда и сотрудников издательства «WestBow» за переиздание книги.

Приятного чтения!

Макс Лукадо
Сан-Антонио, Техас, 2004 г.

СЛОВО БЫЛО БОГ. ... СЛОВО СТАЛО ПЛОТИЮ И ОБИТАЛО С НАМИ...

Евангелие от Иоанна 1:1, 14

— Гавриил!

Звук голоса Царя коснулся моего сердца. Я покинул пост у дверей и вошел в тронный зал. Слева от меня находился стол, на котором лежала Книга Жизни. Передо мною был престол Бога Всемогущего. Я вошел в круг немеркнущего света, закрыл крыльями лицо и преклонил колени.

— Да, мой Господь?

— Ты хорошо служил Царству. Ты — достойный посланник. Не было случая, чтобы ты отступил или дрогнул, исполняя порученное тебе. Никогда усердие твое не ослабевало.

Я наклонил голову, услышанное ласкало мой слух.

Что бы Ты ни повелел мне, я сделаю в тысячу крат больше, мой Царь, — поклялся я.

— В этом я не сомневаюсь, дорогой посланник, в словах Его звучала торжественность, обычно Ему чуждая. — Величайший труд ожидает тебя. Тебе предстоит доставить на землю мой дар. Смотри.

Я поднял глаза и увидел прозрачный сосуд на золотой цепи, свисавшей из Его руки, протянутой ко мне.

Отец заговорил, Он был очень серьезен.

— Хотя сосуд этот пока еще пуст, вскоре в нем будет находиться величайший из Моих даров. Храни его на груди.

Я собирался взять сосуд из Его руки, когда скрипучий голос прервал меня:

— Что же за драгоценность Ты пошлешь на землю на этот раз?

Спина моя напряглась при первых звуках этих непочтительных слов, внутри меня все всколыхнулось от внезапной волны омерзительного запаха. Лишь одно существо могло источать такое зловоние.

Я ВЫХВАТИЛ МЕЧ И ПОВЕРНУЛСЯ, ЧТОБЫ СРАЗИТЬСЯ С ЛЮЦИФЕРОМ.

Рука Отца, опустившаяся мне на плечо, остановила меня.

— Оставь, Гавриил. Он не причинит вреда.

Я отступил на шаг и взглянул на врага Божьего. Черная накидка полностью скрывала его тело, покрывала и голову, и руки до запястий. Из-под полы высывались трехпалые, когтистые ступни, кисти рук были покрыты змеиной кожей, пальцы рук заканчивались длинными когтями. Он поглубже надвинул капюшон, чтобы защитить лицо от света, наполнявшего зал, но было видно, что сияние по-прежнему причиняет ему боль. Ища спасения, он повернулся в мою сторону, и на мгновение под капюшоном мелькнули заостренные черты лица.

— На что ты так уставился, Гавриил? — усмехнулся он. — Разве ты не рад вновь увидеть меня?

Мне было нечего сказать этому падшему ангелу. Я не находил слов, чтобы сравнить увиденное с тем образом, который хранился в моей памяти. Я вспомнил его, каким он был до Восстания: гордо стоящим во главе нашего войска, с широко расправленными крыльями, держащим в руке сияющий меч. Каждый из нас хотел

походить на него. Кто мог отказать ему? Его мягкие, вьющиеся волосы и угольно-черные глаза делали его красивейшим из всех существ на небесах.

Всех, кроме нашего Творца, разумеется. Но никому и не приходило в голову сравнивать Люцифера с Богом... кроме самого Люцифера. Одному Богу известно, почему сатана решил, что ему должны поклоняться, как Самому Творцу. Мне было известно лишь то, что я не видел его со времени Восстания; и то, что я увидел сейчас, вызвало во мне волну отвращения.

Я взгляделся в него, пытаюсь найти хоть одну черту, которая напоминала бы о былом величии, но ничего не увидел.

— Важная, должно быть, у Тебя новость, — сказал сатана, по-прежнему мучаясь из-за нестерпимого для него света.

Мой Отец спокойно и размеренно произнес:

— Настало время для второго дара.

Было заметно, как скрытое под накидкой тело вздрогнуло, когда Люцифер усмехнулся:

— Второй дар, да? Надеюсь, он будет получше первого.

— Ты остался недоволен первым? — спросил Отец.

— О, вовсе нет — мне он очень нравится, — вытянув костлявый палец, он написал в воздухе слово:

В Ы Б О Р.

— Ты дал Адаму выбор, — с насмешкой сказал сатана, — и что же за выбор он сделал? Он выбрал меня! С тех пор как они вкусили от плода с дерева в Саду, они — мои пленники. Они мои. Ты проиграл. Хе-хе-хе...

— Ты говоришь так уверенно... — ответил Отец, и я был поражен Его терпением.

Люцифер сделал шаг вперед, полы его одежды волочились по полу.

— Ну, конечно! Мне удастся вывернуть наизнанку все, что Ты делаешь! Ты смягчаешь сердца — я ожесточаю их. Ты открываешь людям истину — я заслоняю ее от них мраком. Ты даришь им радость — я краду ее у них.

Он круто развернулся и зашагал по залу, хвалясь своими делами.

— Предательство Иосифа братьями — моя работа. Моисей жил в изгнании в пустыне после того, как убил египтянина, — это тоже сделал я. Давид подсмотрел за купающейся Вирсавией — это было подстроено мною. Ты должен признать — я очень изобретателен!

— Изобретателен? Возможно. Но успешен ли? Нет. Я знаю, что ты сделаешь, еще до того, как ты это сделаешь. Иосифа предали, но Я использовал предательство, чтобы избавить Мой народ от голода во время засухи. Ты сделал так, что Моисею пришлось жить в пустыне, но это помогло ему провести по той же пустыне Мой народ из земли Египетской. Да, Давид совершил прелюбодеяние с Вирсавией — но он покался в своем грехе! В дальнейшем тысячи людей, узнавая об этой истории, обрели то же, что смог обрести Давид, — неиссякаемую благодать. Твоя ложь и искушения оказывались фундаментом для Моего милосердия. Ты по-прежнему служишь Мне, сатана. Когда же ты наконец

поймешь это? Твои жалкие попытки помешать Моим делам служат лишь тому, чтобы задуманное Мною исполнилось.

ВСЕ, ЧТО ТЫ ЗАДУМЫВАЛ ВО ЗЛО, Я ОБРАЩАЛ ВО БЛАГО.

Сатана ответил недовольным ворчанием — горловым, идущим откуда-то изнутри, злым ворчанием. Вначале оно было чуть слышным, затем начало нарастать и нарастало до тех пор, пока зал не наполнился оглушительным ревом, от которого, должно быть, содрогались адские глубины.

На Царя это не произвело никакого впечатления.

— Тебе нехорошо? — спросил Он.

Люцифер заметался по залу, громко дыша, пытаясь найти слова и одновременно ища укромный уголок, откуда он мог бы произнести их. Слова он, в конце концов, нашел. Тени, чтобы укрыться от света, ему найти не удалось.

— Покажи мне, о Царь света, покажи мне хотя бы одного человека на земле, который всегда поступал бы праведно и повиновался бы Твоей воле.

— И ты смеешь спрашивать об этом? Ты ведь знаешь, что жертвы, принесенной одним-единственным совершенным и безгрешным человеком, было бы достаточно, чтобы спасти всех остальных.

— Я знаю о Твоих планах — и Ты *не смог* осуществить их! Нет и не будет никакого Мессии среди сынов Твоего народа. Нет из них ни одного безгрешного. Ни одного! — он встал перед престолом и начал перечислять имена Божьих детей: — Ни Моисей, ни Авраам, ни Лот, ни Ревекка, ни Илия...

Отец встал со Своего престола, и по залу прокатилась волна сияния настолько сильного, что Люцифер отшатнулся и упал.

— СМЕЕШЬСЯ НАД МОИМИ ДЕТЬМИ, —

загремел Божий голос. — Думаешь, ты многое знаешь, ты, падший ангел? Знание твое ничтожно. Мысли твои простираются не дальше тебя самого. Глаза твои не могут видеть дальше твоих собственных желаний.

Царь шагнул вперед и взял в руки Книгу. Он повернул ее к Люциферу и повелел:

— Подойди сюда, лжец, и прочитай имя Того, Кто обличит тебя во лжи. Прочитай имя Того, Кто разрушит ворота твоей твердыни. Сатана медленно поднялся с четверенек. Как пугливый волк, описывая широкий круг, он приблизился к столу, на котором лежала Книга, и прочел одно слово.

— Эммануил, — пробормотал он и добавил, как бы не вполне веря своим глазам: — «С нами Бог?»

Впервые за все время разговора его лицо повернулось к Отцу:

— Нет. Даже Ты не сделал бы этого. Даже Ты не пойдешь на это.

— Ты и прежде никогда не верил мне, сатана.

— Но *Эммануил*? Это безумие! Ты и представить Себе не можешь, каково это — находиться там, на земле! Знаешь, в какой мрак я погрузил ее?! Она загнивает, на ней царит зло. Земля...

– ОНА ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ, – ПРОВОЗГЛАСИЛ ЦАРЬ, – И Я ВЕРНУ ЕЕ СЕБЕ. Я СТАНУ ПЛОТЬЮ, Я ИСПЫТАЮ ТО, ЧТО ИСПЫТЫВАЮТ СОТВОРЕННЫЕ МНОЮ. Я УВИЖУ МИР ИХ ГЛАЗАМИ.

– Но как же их грех?

– Я принесу им милость.

– А как же смерть?

– Я принесу жизнь.

Сатана умолк.

Заговорил Бог:

– Я люблю Своих детей. Тот, кто любит, не лишает своего возлюбленного свободы. Любовь освобождает от страха. Эммануил оставит после себя племя бесстрашных. Они не будут бояться тебя и твоего ада.

При мысли об этом сатана пошатнулся. Его голос прозвучал, как голос ребенка, готового заплакать: «Нет, бу-у-у-дут!»

– Я освобожу их от греха, и Я освобожу их от смерти. Без греха и смерти ты не будешь иметь никакой власти над ними.

Сатана принялся ходить кругами, сжимая и разжимая костлявые пальцы. Когда он наконец остановился, то задал вопрос, ответ на который хотел бы узнать и я сам.

– Почему? Почему Ты хочешь это сделать?

Голос Отца был твердым и нежным одновременно:

– Потому что Я люблю их.

Эти двое стояли друг против друга. Ни один не произносил ни слова. Передо мной находились два крайних полюса вселенной: Бог, облаченный в свет, которым лучилась каждая нить Его одеяния, и сатана, укутанный злом, которое, казалось, пряталось в каждой складке его одежды. Мир противостоял панике. Мудрость противостояла безумию. Один – спасающий, другой – желающий оклеветать и обвинить.

Впоследствии я долго размышлял о том, что произошло в ту минуту. Хотя я, казалось, множество раз переживал этот момент заново, воспоминание о тех событиях продолжает поражать меня. Никогда, в самых безумных моих фантазиях, я не мог представить, что мой Царь сделает то, что Он тогда сделал. Если бы Он потребовал, чтобы сатана убирался вон, никто не возразил бы Ему. Если бы Он уничтожил сатану, кто пожалел бы об этом? Если бы Он приказал мне сражаться, я с готовностью ринулся бы в бой. Но Бог не сделал этого.

Из круга света протянулась Его рука. С Его престола прозвучали слова:

– Подчинишься ли ты Мне? Вернешься ли ко Мне?

Мне не дано знать мыслей сатаны, но мне показалось, что на мгновение его ожесточенное, злое сердце вдруг смягчилось. Голова склонилась набок, похоже, приглашение застало его врасплох. Но мгновение спустя он поднял голову.

– Где мы сразимся? – спросил он с вызовом в голосе.

Отец, видя упорство темного ангела, сказал со вздохом:

– На холме, именуемом Голгофой.

– Если Ты сможешь до него добраться, разумеется, – ухмыльнулся сатана. Он направился к выходу, расправил крылья и устремился ввысь.

Отец мгновение стоял неподвижно, затем вновь повернулся к Книге. Открыв ее на последней главе, он медленно прочел слова, которых я прежде никогда не слышал. Это были не предложения, не фразы. Просто слова, отделенные друг от друга долгими паузами:

ИИСУС,
ГВОЗДЬ,
КРЕСТ,
КРОВЬ,
ГРОБ,
ЖИЗНЬ.

Он простер руку в мою сторону и я вновь склонился перед Ним. Протягивая мне сосуд, Он объяснил:

– Вскоре сосуд этот будет наполнен Моей сущностью, семенем, которое будет помещено в утробу юной девы. Ее зовут Мария. Она – одна из дочерей Моего народа. Плодом этого семени будет Сын Божий. Отнеси это ей.

– Но как я узнаю ее? – спросил я.

– Не беспокойся об этом. Ты не ошибешься. Я не мог понять Божьего замысла, но это не имело значения. Главным для меня было исполнить Его повеление. Я склонил голову, и Он возложил цепь с сосудом мне на шею. К моему удивлению, сосуд уже не был пуст. Он пылал светом.

Иисус. Скажи ей, чтобы она назвала Моего Сына *Иисусом*.

Мы отправились в путь, и в какой торжественной обстановке это произошло! Архангел Михаил прочел нам слова из Книги Храбрости. Воины пели, прося Отца о том, чтобы Его Дух сопровождал наш отряд. Отец поднялся со Своего престола в потоках ниспадающего света и укрепил нас Своими словами.

Ангелам Он сказал:

— Крепитесь, слуги Мои.

Затем, обратившись ко мне, Он напомнил:

— Гавриил, сатана желает уничтожить семя так же сильно, как ты желаешь доставить его в целостности и сохранности. Но не бойся. Я с тобою.

— Да будет воля Твоя, — ответил я Ему и занял свое место в голове колонны. Настало время отправиться в путь. Я запел хвалебную песнь, подав тем самым сигнал к выступлению. Один за другим ангелы присоединялись к моей песне. Еще мгновение я смотрел на свет, затем мы развернулись и устремились в небеса.

Мы летели на волне Его света. Мы устремлялись вперед вместе со словами наших песен. Парагон летел по правую руку от меня, Эгус — по левую. Их избрал Сам Отец, чтобы охранять сосуд. Могучие. Смиренные. Послушные.

Наше войско было столь многочисленным, что конца ему не было видно. Вместе мы обладали огромной силой. Мы летели звездной бурей через всю вселенную — я во главе и тысячи ангелов следом за мной. Оборачиваясь, я наслаждался зрелищем нескончаемого потока серебряных крыльев, бесшумно поднимавшихся и опускавшихся в едином ритме.

Из сияющего потока непрерывно раздавались возгласы неудержимой хвалы:

— Бог наш велик и достоин всей славы!

— Лишь Он один достоин!

— Могучий Царь царей и Господь господствующих!

— Эта битва — Господня!

Для этой миссии я выбрал самых сильных ангелов, потому что лишь самые сильные могли противостоять врагу, с которым нам предстояло сразиться. Каждый из ангелов хотел, чтобы выбрали его, но отправились со мной лишь самые умелые и подготовленные небесные воины.

Мы миновали галактику Эбон в созвездии Эммании. Краем глаза я уловил мерцание Эксалона, планеты, которую опоясывали кольца по числу детей Божьих, верных Отцу. Мы промчались через созвездие Клариона и вошли в звездный круг Дариа.

На моей шее висел сияющий сосуд, тайна которого по-прежнему продолжает оставаться для меня неразгаданной.

Сзади до меня донесся мягкий голос Софио. Отец одарил его мудростью, и я брал Софио с собой во многие из путешествий. Его задачей всегда было одно и то же. «Напоминай мне об истине во время нашего полета», — всякий раз повелевал я ему. Так он поступил и сейчас. «Люцифер — отец лжи. В нем нет никакой истины. Он приходит, чтобы украсть, убить и погубить», — произнес он.

По мере того, как сердце мое исполнялось мужества, возрастала и моя скорость. Мы знали, что просто не можем оказаться проигравшими. Но нам и в голову не приходило, что сражение начнется так скоро. Стоило нам пересечь Хребет Времени, как Парагон воскликнул:

— К бою!

Внезапно я обнаружил, что опутан невидимой сетью. Ряды ангелов смешались, сталкиваясь друг с другом. Даже самый последний ряд нашей колонны двигался слишком быстро, чтобы избежать ловушки. Через мгновение все перепуталось:

КРЫЛЬЯ БИЛИСЬ О КРЫЛЬЯ. АНГЕЛЫ СТАЛКИВАЛИСЬ С АНГЕЛАМИ.

Прежде чем мы успели выхватить мечи, нападавшие затянули сеть так туго, что мы не могли пошевелиться. Я слышал их насмешливые голоса:

– Это, что ли, лучшие из лучших?

– Утащим их в бездну!

– Теперь-то вы узнаете, кто здесь настоящий хозяин!

Но радость их была преждевременной. Царь приготовил меня ко встрече с тенетами зла. Я знал, что мне нужно делать.

– СВЯТ, СВЯТ, СВЯТ ГОСПОДЬ БОГ ВСЕМОГУЩИЙ! – воскликнул я.

– СВЯТ, СВЯТ, СВЯТ ГОСПОДЬ БОГ ВСЕМОГУЩИЙ! – вновь и вновь возносил я хвалу моему Владыке. Ангелы услышали и присоединились к моей хвале.

Ослабленные словами истины, адские псы отпустили сеть, и мы вырвались из нее.

– Господь любит тех, кто воздает Ему хвалу! – воскликнул Софио, торжествуя.

Освободившись, мы выхватили свои мечи света и выставили их перед собой, сомкнув ряды так плотно, что со стороны наш отряд казался сияющим шаром. Слепленные, бесы заметались, сталкиваясь друг с другом, и пустились в бегство. Я отправил часть своих ангелов в погоню за ними. «Сделайте так, чтобы они не вернулись», – приказал я им.

Я осмотрел наши фланги – один, затем другой, и обнаружил, что обошлось без потерь. Эта стычка лишь укрепила нашу решимость. Я запел, и мы продолжили путь, омываемые потоками света, исходящего от наших мечей, и музыкой нашей хвалы.

Мы миновали золотую планету Эсколаду, находящуюся на границе избранной галактики. Каждый из нас хорошо знает эти звезды. Мы часто бываем поблизости, выполняя различные поручения. Хотя с этими созвездиями и были связаны наши лучшие воспоминания, мы не задержались ни на минуту Слишком уж важным было задание, которое нам предстояло выполнить.

– Гавриил! – окликнул меня Парагон. – Смотри, там, вдалеке! Мне никогда прежде не доводилось видеть такого демона. Шакаля голова сидела на длинной, чешуйчатой шее, а тело было как у дракона. Его крылья распростерлись настолько широко, что между ними легко поместилась бы дюжина моих воинов. Каждая из четырех его лап легко могла сокрушить ангела. «Кто это?» – спросил я Парагона и Эгуса, но ответил мне Софио.

– Это Флумар.

– Флумар? Не может быть!

До Восстания он был нашим лучшим певцом и достойнейшим из воинов. Нередко его можно было видеть летящим впереди всех, влекомым вперед грациозными взмахами могучих крыльев. Многие из песен, которые я пою, я впервые услышал из уст Флумара. «Что стало с ним теперь!» — подумал я.

Что стало с его чистыми глазами и белоснежными одеждами? Куда подевалось радостное лицо? Когда я приблизился к нему, омерзительный запах зла заставил меня содрогнуться. Я обнажил меч, готовясь отразить нападение. Одного я не ожидал от него — вопроса, обращенного ко мне.

— Друг мой, сколько же времени мы не виделись? — голос его можно было бы назвать ласковым, если это слово вообще применимо к голосу демона, притом одного из главнейших.

— Кажется, недостаточно долго, чадо преисподней! — воскликнул я, пролетая мимо. Я не был настолько самонадеян, чтобы останавливаться перед ним. Я не полагался на свои чувства и не переоценивал своих возможностей. Я продолжал полет, но он не отставал, немедленно поравнялся со мной и полетел рядом.

— Гавриил, послушай меня!

— Твой владыка — лжец и отец лжи.

— Нет! Теперь он стал другим, — возразил Флумар.

Я не замедлил полета и летел с прежней скоростью. Краем глаза я видел, что Эгус и Парагон летят чуть поодаль, держа руки на рукоятках мечей и ожидая моей команды. Я помолился о том, чтобы они не смогли прочесть в моих глазах той мысли, которая так меня беспокоила. Если бы Флумар был даже в десять раз слабее, чем прежде, он все равно смог бы уничтожить целый полк раньше, чем мы успели бы опомниться. Из подобных нам он был самым сильным.

Флумар продолжал свою речь:

— Пока ты находился в пути, случилось чудо. Мой господин узрел мощь, с которой ты сокрушил наших воинов. Его беспокоят твоя сила и его собственная слабость. Кроме того, он озадачен тем милостивым предложением, которое услышал в тронном зале. Он говорит, что и ты был там, Гавриил. Ты ведь был свидетелем этого разговора, не так ли?

Хоть я и не сказал ничего в ответ, простертая рука Божья вновь возникла в моей памяти. Я вспомнил о том, как склонилась голова сатаны, и о том впечатлении, которое сложилось у меня поначалу. Неужели его сердце действительно смягчилось?

Голос Флумара стал взволнованным: — Пойдем, Гавриил! Поговори с Люцифером. Поговори с ним о твоём Владыке. Расскажи ему о любви твоего Владыки. Тебя он послушает. Пойдем вместе и уговорим его покаяться.

Флумар резко рванулся вперед и преградил мне путь. Я был вынужден остановиться. Он возвышался надо мной, как огромная скала. Я ожидал чего угодно, только не этого. Я помолился, спрашивая, как мне поступить.

— Вместе, Гавриил, ты и я, мы снова будем вместе! — продолжал демон в обличье дракона. — Это действительно возможно! Мы вновь сможем объединиться. Сатана колеблется, и в моем сердце тоже начали происходить перемены.

Внезапно меня осенило. Я понял, как мне поступить, и поблагодарил Бога за ответ на мою молитву.

— Так значит, Флумар, ты говоришь, в твоём сердце произошла перемена?

Он кивнул своей огромной головой. Я обернулся к Парагону и Эгусу. Страх на их лицах постепенно сменялся любопытством.

— И ты хочешь присоединиться к нам, так?

— Да, да, Гавриил! Восстание было ошибкой! Пойдем, мы с тобой должны поговорить с Люцифером. Я хочу снова вернуться на небеса! Я хочу вернуть свое бывшее великолепие!

К этому моменту мой план был окончательно готов.

— То, что ты говоришь, звучит просто замечательно, Флумар!

Я заметил удивление на лицах ангелов, стоявших поблизости.

— Наш Бог — благой Бог, — провозгласил я, — Он медлен на гнев и спешит миловать. Несомненно, Он услышал тебя, когда ты исповедал свой грех.

Немного помедлив, я взлетел выше, чтобы быть лицом к лицу с Флумаром, и сказал, глядя ему прямо в глаза:

— Так давай же вместе вознесем Ему хвалу! Тень страха пробежала по лицу Флумара. Софию, поняв, к чему я клоню, возвестил истину:

— ГОСПОДУ БОГУ ТВОЕМУ ПОКЛОНЯЙСЯ!

— Но... но... но... Я ведь совсем не помню слов!

Теперь, когда истинные намерения Флумара были ясны, мои воины начали окружать его. Я придвинулся еще ближе и твердо сказал:

— Ты ведь желаешь поклониться нашему Владыке. И ты не забыл слов хвалы. Так открой же свои уста и исповедай имя Господне!

Флумар оглянулся, но деваться ему было некуда.

— Присоединяйся к нам! — сказал я с вызовом в голосе. — Если сердце твое и вправду стало прежним, поклонись Богу вместе с нами.

И добавил, выхватив меч из ножен:

— Если же нет, я готовясь сразиться!

Флумар понял, что его уловка не удалась. Его уста не могли — *не были способны* — вознести хвалу Богу Вседержителю. Сердце его принадлежало сатане. Он рванулся, вытянув шею, готовясь отбросить нас в соседнюю галактику. И, располагай мы одной лишь *нашей* силой, ему удалось бы это сделать. Даже объединив наши силы, мы не смогли бы противостоять его мощи. Но мы были облечены силою свыше и, укрепившись Божьим могуществом, ринулись на демона.

Прежде чем Флумар смог нанести удар, его пронзили мечи света. Кожа демона сморщилась и стала плавиться, как воск. Плоть, свисавшая с костей, моментально покрылась пятнами и стала разлагаться. Из его пасти хлынула пена. Он открыл рот и издал стон, самый жалобный из всех, которые когда-либо оглашали вселенную.

— Убейте меня! — умолял он, скуля. Флумар знал, что смерть была для него настоящей благодатью по сравнению с муками, которые ждали его в наказание от Люцифера.

— Ангелы сохраняются в узах до дня суда, — напомнил я ему. — Только Отец может лишить жизни одного из вечных.

Мечи наши сверкнули, отправляя демона смерти в преисподнюю. На мгновение я почувствовал жалость к этому существу. Но жалость исчезла, когда я вспомнил о том, как быстро последовал он за сатаной, купившись на его посулы.

Я вознес хвалу Богу, благодаря Его за нашу победу и мое избавление. Мне пришло на память пророчество, которым напутствовал меня Отец:

— Столь же сильно, сколь мы стремимся доставить семя на землю, сатана стремится уничтожить его.

Воздевая руки, возвеличивая Его имя превыше всех остальных, мы продолжили наш путь. Вскоре мы уже находились в Солнечной системе. Я поднял голову, что послужило сигналом для моих воинов, и они снизили скорость. Воздух Земли окружил нас, и я начал осматривать ее, ища узенькую полоску суши, населенную народом завета.

«Как драгоценен в Его глазах этот шар!» — подумал я. Есть планеты большего размера, более величественные. Но ни одна из них не подходила Адаму и его детям лучше, чем эта. И вот приблизился час их освобождения. Под нами находился маленький городок, где спала избранная Богом.

Вижу, вы добрались сюда в целостности и сохранности.

Голос принадлежал тому, кого я боялся больше всего. Он стоял прямо перед нами, и нам пришлось остановиться.

— Ты надел свои прежние одежды, Люцифер, — заметил я.

Ангелы, бывшие со мной, пришли в замешательство, увидев, как он выглядит. Впрочем, в замешательство пришел и я: не этот ли самый дьявол вызвал у меня такое отвращение, когда я увидел его в тронном зале?

Его хриплый шепот превратился теперь в звонкий баритон. Костлявое тело выглядело гармонично сложенным и прекрасным. По сравнению с сиянием его одежд наши белые одежды казались серыми и грязными. По сравнению с его

голосом наши голоса звучали как жалкое повизгивание. Мы подняли мечи, но по сравнению с блеском его меча они казались тусклыми, как пламя свечи по сравнению с сиянием солнца.

Мои воины смотрели на дьявола, пораженные. Перед тем как мы выступили в поход, Михаил пытался предупредить их об опасности, но ничто не может подготовить к встрече с Люцифером. Не говоря ни слова, он заораживает.

Не поднимая меча, он обезоруживает. Не прикасаясь — соблазняет. Были известны случаи, когда ангелы подчинялись ему, не оказав ни малейшего сопротивления.

Но слова Отца по-прежнему звучали в моем сердце: «Он был лжецом с самого начала».

Сатана смотрел на меня с нежной улыбкой.

— Гавриил, Гавриил. Сколько раз я повторял твое имя? Слуги мои могут подтвердить — я всегда думал о тебе, все эти годы. Ты — верный ангел, и теперь верность твоя вознаграждена. Тебе поручено величайшее из заданий.

Он запрокинул голову и залился смехом, но не злым, а похожим на смех Самого Бога. *Как умело подражает он Царю!*

— Я не подражаю, — сказал он, как если бы прочел мои мысли. — Я смеюсь искренне. Я радуюсь за тебя. Ты прошел испытание.

Должно быть, по выражению моего лица можно было понять, как я озадачен.

— Разве Он Сам не сказал тебе об этом? Как мудр наш Небесный Отец! Как благ Он был, оказав мне честь сказать тебе об этом. Все это было испытанием твоей верности. Все это время тебя проверяли и испытывали. День Скорби, Восстание, падение ангелов, мой визит в тронный зал, сеть, Флумар, наконец. Все это служило для того, чтобы испытать и укрепить тебя. Теперь же, о Гавриил, Царь, а вместе с Ним и я, поздравляем тебя! Ты оказался верным!

Я думал, что мне известны все хитрости Люцифера, каждая из его уловок, каждый из его обманов. Я думал, что все его ходы известны мне заранее, но ошибался. Такое никогда даже не приходило мне в голову. О, как он коварен! Слова его звучали так искренне!

— НЕУЖЕЛИ ТЫ И ВПРАВДУ ДУМАЕШЬ, ЧТО Я МОГ ВОССТАТЬ ПРОТИВ БОГА? — СПРОСИЛ ОН. — ПРОТИВ ОТЦА ВСЯКОЙ ИСТИНЫ? ЧТО ТЫ! Я ВЕДЬ ЛЮБЛЮ ЕГО!

Его голос звучал проникновенно, с глубоким чувством.

— Он создал меня. Он даровал мне свободную волю. Все это время я был вынужден поклоняться Ему издалека, чтобы ты мог быть испытан. Теперь же, друг мой, ты с честью выдержал испытание, назначенное тебе Отцом. Для чего еще могло Ему понадобиться, чтобы ты становился свидетелем моего визита на небеса? Все шло по заранее подготовленному сценарию, гениально придуманному Богом, чтобы испытать твою преданность.

Слова его тянущим беспокойством отозвались у меня в груди. Руки мои опустились, вместе с ними опустились и мои меч со щитом. В моей голове

стремительно мелькали обрывки мыслей. *Что это такое? Что это за сила? Я знаю, что он – зло, но чувствую, что ослабеваю. Я одновременно испытываю по отношению к нему любовь и ненависть, доверие и отвращение.* Я обернулся, чтобы взглянуть на Эгуса и Парагона. Их оружие также было опущено, суровое выражение на лицах начинало смягчаться по мере того, как они начинали верить словам обманщика. За их спинами слабели ряды наших воинов, сияние их мечей стало тускнеть. Потрясающе. Всего лишь несколькими словами Люцифер мог смирить легион отборных воинов. *Неужели это правда? Он выглядит совсем как Отец, и слова его звучат почти как слова Отца...* Мы все понемногу начинали поддаваться под его влияние.

Все, кроме одного. Поодаль я увидел Софию. Глаза его были устремлены не на Люцифера – он смотрел ввысь. Я услышал его слова, которые звучали все громче и громче, по мере того как он произносил их:

– НИ СМЕРТЬ, НИ ЖИЗНЬ, НИ АНГЕЛЫ, НИ БЕСЫ, НИ НАСТОЯЩЕЕ, НИ БУДУЩЕЕ, НИКАКИЕ СИЛЫ, НИКАКАЯ ВЫСОТА ИЛИ ГЛУБИНА И НИЧТО ИНОЕ ВО ВСЕМ ТВОРЕНИИ НЕ СМОЖЕТ ОТЛУЧИТЬ НАС ОТ ЛЮБВИ БОЖЬЕЙ!

Молитва Софию лучом света устремлялась в небо. Я поднял глаза и на вершине этого светового столпа увидел стоящего Отца. Одного взгляда на сияние Его славы было достаточно, чтобы все сомнения развеялись. Я резко выпрямился и выставил перед собой щит. Люцифер впервые увидел Софию молящимся. Улыбка исчезла с его лица, но затем усилием воли он заставил себя улыбнуться снова.

Теперь враг заговорил быстрее, а в его голосе зазвучали прежние, режущие слух, нотки.

– Отец ждет нас, Гавриил. Давай же вдребезги разобьем этот сосуд в ознаменование Его победы. Давай вернемся к Нему с радостью. Ты выполнил порученное тебе. Ты будешь награжден – тебе пожалуют престол, такой же, как у меня. Ты будешь как Бог!

Если до этого у сатаны и был хоть малейший шанс, он только что потерял и его.

– Лжец! – воскликнул я. – Я уже слышал эти слова и это обещание. Это ложь, а ты отец лжи. Ты смердишь! Ступай в ад!

Хоть я и знал, что мой меч не остановит Люцифера, я все равно поднял его.

– Боже Всемогуший, спаси нас, – взмолился я, и Он спас.

Мой меч засиял так, как не сиял никогда прежде, свет, исходящий от него, был настолько ярким, что Люцифер прикрыл глаза ладонями и разразился проклятиями.

Я обернулся к ангелам, бывшим со мной, – они вновь стояли, полные решимости сражаться. Заклятие пало, и прежнее мужество вернулось к ним. Их мечи, готовые разить, были подняты. Свет, с каждой секундой все более и более яркий, падал на сатану, и все смогли увидеть то существо, которое я уже встречал в тронном зале Отца, только капюшон теперь был откинут, открывая обтянутый кожей череп, оскверняющий своим видом синеву небосвода.

Я вонзил свой меч в самое сердце сатаны. В тот же момент Эгус пронзил его с другой стороны. Сатана закричал, извиваясь от нестерпимой боли, когда клинки наших мечей запламенели чистым небесным огнем, соприкоснувшись в его груди. Из утробы врага вырвался крик невероятного одиночества, ненависти и страха.

Изогнувшись в последнем, отчаянном броске, Люцифер рванулся, пытаясь схватить небесный сосуд, свисавший с моей шеи. Бессмысленная попытка. Меч Парагона сверкнул, обрушиваясь на кисть вражьей руки, и она отлетела во тьму. Нас окатило волной столь невыносимого зловония, что мы были вынуждены закрыть лица щитами. Сатана откинулся назад, голова его была запрокинута, лицо искажено гримасой боли. Голос, еще мгновение назад такой вкрадчивый и ласкающий слух, превратился в злобное шипение.

— Я вернусь, — поклялся Люцифер, — я вернусь!

Софио с отвращением покачал головой.

— ПРИНИМАЕТ ВИД АНГЕЛА СВЕТА, — тихо промолвил он.

Сатана исчез из виду так же быстро, как появился. И тогда ангельское воинство разразилось славословиями.

— Свят, свят, свят Господь Саваоф!

— Царь царей и Господь господствующих!

Когда наша хвала вознеслась к Отцу, Он стал говорить, обращаясь ко мне. Я слышал Его так явственно, что, казалось, Он стоит совсем рядом со мной.

— Иди, Гавриил; иди, скажи Марии.

Подхваченный волною славословий и хвалы, я полетел, на этот раз один. Постепенно сужая круги, я медленно спускался сквозь пелену облаков, приближаясь к земле. Подо мной находился родной городок Марии. Отец был прав, — я сразу же узнал ее. Сердце ее было светлым и не омраченным никакой тенью, душа — чище всех человеческих душ, когда-либо виденных мною.

Я опустил и встал за ее спиной.

— Мария, — позвал я, стараясь говорить тихо, чтобы не напугать ее.

Она обернулась, но ничего не увидела. Я вспомнил, что для нее я по-прежнему невидим. Я взмахнул крыльями перед собой и принял телесное обличье. Она закрыла лицо руками, ослепленная светом, и попятилась к двери.

— Не бойся, — сказал я.

Как только я это произнес, она возвела глаза к небесам. И вновь я был потрясен.

Я прославил Отца за Его мудрость. Ее сердце было непорочным, чистым и открытым.

— Приветствую тебя, — продолжил я. — Бог с тобою.

Глаза ее расширились, и она повернулась, как если бы собиралась бежать.

— Мария, тебе нечего бояться. Ты обрела благодать у Бога. Ты зачнешь во чреве и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего. Господь Бог даст Ему престол Давида, отца Его; Он вовеки будет царствовать над домом Иакова, и не будет конца Его Царству.

Она слушала меня, но услышанное ее озадачило.

— Но как это может произойти? Ведь я никогда не была с мужчиной.

Перед тем как ответить, я поднял глаза к небесам. Отец стоял, давая мне Свое благословение.

Я продолжал:

— Святой Дух снизойдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; поэтому и чадо, которое ты родишь, будет названо Святым, Сыном Божиим. Для Бога ведь нет ничего невозможного.

Мария посмотрела на меня, затем подняла взгляд к небесам. Долгое время она стояла без движения, так долго, что я тоже поднял глаза вверх. Видела ли она ангелов Божиих? Узрела ли она отверстые небеса? Мне это неизвестно, но когда я, опустив взгляд, посмотрел на нее, она улыбалась.

— Да, теперь я понимаю. Я — раба Господня и готова служить Ему. Да будет со мною по слову твоему.

Когда она произнесла эти слова, свет просиял из ее чрева. Я взглянул на сосуд, висевший у меня на шее. Он был пуст.

Иосиф отвел осла на обочину дороги и устало провел по лбу ладонью. — Давай-ка найдем где заночевать. Мы не успеем добраться в Вифлеем до темноты.

Мария не ответила. Иосиф обошел осла и заглянул в лицо жены. Она спала! Голова склонилась на грудь, руки были сложены на животе. Как она умудрилась заснуть на спине осла? Внезапно она подняла голову, глаза ее открылись:

— Мы уже приехали?

— Нет, — улыбнулся муж, — еще несколько часов. Смотри, там, впереди, гостиница. Может быть, нам заночевать в ней?

— Ах, Иосиф, я думаю, что нам нужно все-таки добраться до Вифлеема, — она помедлила. — Но, наверное, небольшой отдых не помешал бы...

Он вздохнул, пожал ей руку и вновь зашагал, ведя осла по направлению к незатейливому сооружению, стоявшему чуть поодаль.

— Здесь много народа, — заметил Иосиф, помогая Марии спуститься на землю. Им потребовалось несколько минут, чтобы найти место на скамье, где они могли бы уместиться вдвоем.

— Пойду, разыщу что-нибудь поесть. Я скоро.

Иосиф начал протискиваться сквозь толпу.

Обернувшись, он заметил, что на его место рядом с Марией уже усаживается какая-то женщина. Мария начала было возражать, но затем улыбнулась и, встретившись глазами с Иосифом, пожала плечами.

— *Сама доброта...* — пробормотал он себе под нос.

Много невероятных, удивительных событий произошло с ним за последние несколько месяцев, и все это время он оставался твердо уверенным лишь в одном — в сердце своей жены. Ему никогда не доводилось встречать никого, похожего на нее. Она рассказала об ангеле, который явился ей посреди ясного дня. Что ж, быть может, кто-нибудь из соседских мальчишек решил подшутить над нею. А ангел, явившийся Иосифу во сне? Может быть, это было от Бога... или от лишнего вина, выпитого за ужином. А эта история с ее дядей, который не мог говорить до тех пор, пока его жена не родила? Возможно, он просто застудил горло?

Но как быть с ее рассказом о том, что она зачала, будучи девственницей? Мария никогда не лжет. Она чиста, как ангел! И если она говорит, что она — девственница, это значит, что она — девственница. Если она говорит, что ребенок, которого она носит во чреве, — Сын Божий, что ж, будем надеяться, что мальчик пойдет в Отца.

Марию — круглолицую, невысокого роста — нельзя было назвать красавицей. Она была полноватой еще до беременности. Но глаза ее всегда светились, а сердце было больше Средиземного моря. Она всегда улыбалась, и лицо ее неизменно напоминало лицо человека, собирающегося рассказать отличную шутку. Вот поэтому-то она и была одна такая во всем свете. Иосиф покачал головой, увидев, как Мария встает, уступая место на скамье мужу женщины, сидевшей по соседству с нею.

Мужчина начал было возражать, но Мария все равно встала с видом, не допускавшим возражений.

— Мне нужно немного постоять, — проговорила она и направилась к Иосифу, с трудом протискиваясь через толпу.

Конечно, они надеялись, что ко времени родов уже будут в Назарете, — по крайней мере, там у них родственники. В Вифлееме же они не знали никого.

Иосиф взял ее за руку, и они прислонились к стене.

— Ты уверена, что хочешь идти дальше?

Она кивнула, и они, извиняясь, протискиваясь между людьми, добрались до двери.

— Мне бы только глоточек воды, — попросила Мария.

— Хорошо, сейчас принесу. Подожди здесь.

Мария прислонилась к дереву, пока Иосиф стоял в очереди у колодца. Она улыбнулась, увидев, как легко он завязал разговор с женщиной, стоявшим перед ним. Вернулись они вдвоем.

— Мария, это Симон. Он тоже едет в Вифлеем. У него повозка, запряженная волон, и он предложил подвезти нас.

— Спасибо, вы очень добры.

Симон улыбнулся:

— Ну, что вы, мне только веселее будет ехать с попутчиками. Привяжите своего ослика к моей повозке.

— Извините, я случайно услышал, что вы направляетесь в Вифлеем. Не найдется ли места и для меня?

Эти слова произнес старик с длинной седой бородой, судя по внешности — раввин. Симон кивнул в ответ, приглашая его присоединиться к ним.

Усадив Марию в повозку, Иосиф повернулся к раввину, чтобы помочь сесть и ему.

— Простите, как вас зовут?

— Гавриил, — ответил я и сел напротив Марии.

Эгус летел впереди повозки Симона, Парагон — позади. Оба были начеку, с широко расправленными крыльями и мечами, вынутыми из ножен. До остановки у постоянного двора я летел с ними, но что-то в этой повозке показалось мне подозрительным, и я принял вид человека. Я тут же пожалел, что не выбрал внешность молодого торговца, — уж слишком чесалась борода. Моим воинам не нужно было напоминать, но все равно я повторил еще раз:

**— САТАНА НЕ ХОЧЕТ ДОПУСТИТЬ РОЖДЕНИЯ ЭММАНУИЛА.
ВСЕМ БЫТЬ НАЧЕКУ!**

Невидимой стеной — двенадцатью линиями обороны — ангелы окружили повозку. Я чуть заметно усмехнулся себе в бороду. Симон мог бы с тем же успехом править с завязанными глазами. Ни за что на свете его повозка не свернула бы с пути.

Дорога была забита, и мы двигались очень медленно — не быстрее пеших путешественников, но по крайней мере Мария могла теперь немного отдохнуть. Она закрыла глаза и склонила голову на край повозки. Я видел сияние, исходящее из ее чрева. Он сиял, находясь внутри нее, как очищающий, исцеляющий огонь. Я поклонился Ему, хоть еще и не рожденному. Сердце мое радовалось и пело Ему песни хвалы, которые были слышны Ему. Я улыбнулся, когда Мария почувствовала, как Он шевелится. Мои воины услышали это славословие и присоединились к пению.

Примерно через час я почувствовал — оно здесь. Зло. Все мое тело напряглось. Я явственно ощущал, что враг где-то рядом, на дороге. Он то появлялся, то исчезал, мелькая между идущими людьми. Я предупредил ангелов:

— Приготовьтесь!

Софио подлетел к повозке и прошептал мне:

— Он рыщет повсюду, как лев, ищущий, кого бы поглотить.

Я молча кивнул, соглашаясь с ним, и начал присматриваться к лицам людей, идущих рядом с повозкой.

К нам приблизился молодой человек. Он обратился к Марии:

— Вы выглядите такой усталой. Не хотите ли воды?

— Спасибо, — ответила Мария и собралась было взять протянутый ей мех с водой. Я вскочил на ноги и, как бы случайно, толкнул беса под руку. Мех с водой упал на землю, и я стал извиняться перед Марией и Иосифом. Только молодой человек мог слышать то, что предназначалось ему одному:

— ТЫ, ИСЧАДИЕ АДА!

НЕ ПРИКАСАЙСЯ К ЭТОЙ ДОЧЕРИ БОЖЬЕЙ!

Бес принял свое обычное обличье и вытащил меч.

— Теперь у тебя нет шансов победить, Гавриил, — воскликнул он, и внезапно десятки бесов появились со всех сторон, устремляясь к Марии.

— Иосиф, — вскрикнула она, схватившись за живот, и лицо ее исказилось болью. — Что-то не так. Я чувствую, как будто что-то бьет меня в живот! Это... это так больно!

Я немедленно принял образ ангела и обхватил ее, преградив путь вражеским мечам. Я почувствовал, как они пронзают меня, — но зато Мария была защищена. За спинами бесов я увидел Парагона и еще семерых ангелов, яростно рубивших направо и налево. Это несколько отвлекло бесов, но все равно они упорно стремились добраться до Марии.

Повозку начало трясти. Пассажиров охватила паника. Я услышал крик. Обернувшись, я увидел, как Симон схватился за горло. Лицо его покраснело, глаза были выпучены. Вокруг его шеи обвились длинные, тонкие пальцы демона. Другой бес уже оседлал вола и понуждал животное совершать отчаянные прыжки в сторону обочины.

Кто-то в толпе крикнул:

— ОСТАНОВИТЕ ПОВОЗКУ! ВПЕРЕДИ ОБРЫВ!

Какой-то храбрец попытался ухватиться за поводья, но, внезапно остановившись, застыл на месте. Впоследствии он рассказывал, что оцепенел от страха, но я знал, что это было не так — один из бесов опутал его сетью и пригвоздил ее к земле.

Симон открыл рот, пытаясь вдохнуть, и начал сползать набок. Я понял, что он мертв. Обезумевший вол на полной скорости устремился к обрыву. Я взглянул на Марию. Иосиф обнимал ее за плечи, она держалась за живот. Я знал, что через

несколько мгновений мы рухнем с обрыва в долину, лежащую далеко внизу. Возница был мертв, повозка неуправляема. Я обернулся и взмолился, обращаясь к Единственному, Кто мог нам помочь.

Он заговорил из чрева Марии. Родителям не дано было услышать Его голос. Слово, произнесенное Им, не предназначалось для ушей Марии или Иосифа. Лишь воинства — небесное и адское — могли услышать это слово. И когда они его слышали, все замерло.

— ЖИЗНЬ!

Это повеление могучей волной захлестнуло и наполнило повозку, как некогда оно наполнило собой Эдемский сад. Бесы в страхе начали разбегаться, как крысы.

— ЖИЗНЬ! — разнеслось во второй раз.

Симон закашлялся, когда воздух вновь наполнил его легкие.

— Поводья! — воскликнул я.

Он вскрикнул, схватил поводья и выпрямился, натягивая их. Сквозь слезы, застилавшие его глаза, он сумел разглядеть край дороги и, скорее инстинктивно, потянул поводья на себя, заставляя вола остановиться. Опасность миновала.

Но, несмотря на то что бесы бежали, я решил не рисковать. Я подозвал Софию и отдал срочное распоряжение:

— Они нашли ее на дороге, смогут найти и их комнату в гостинице. Этого не должно случиться.

София отсалютовал и умчался вперед, в вифлеемскую гостиницу.

Мария по-прежнему оставалась под покровом света. Иосиф с тревогой смотрел на нее, она же успокоилась под моей защитой.

Мне уже лучше, — сказала она. — А куда подевался раввин, который ехал с нами?

Неужели у вас нет ни одной свободной комнаты? — с мольбой спросил Иосиф.

— Были, как же, были свободные, много! Но буквально перед вами сюда пришла большая компания, и они заняли все комнаты, все кровати — все до единой! У меня нет места для вас с женой.

Иосиф старался быть терпеливым, но постепенно зубы его стискивались все сильнее и сильнее. Он наклонился вперед так, что его лицо находилось в каких-то сантиметрах от лица хозяина гостиницы.

— Видите эту женщину в повозке? — спросил он сквозь зубы. — Это моя жена. Она может родить в любую минуту. Она чуть было не родила сегодня днем, когда мы ехали сюда в этой повозке, и сейчас ее уже мучают схватки. Хотите, чтобы она родила прямо здесь, у вас на пороге?

— Нет, конечно же, нет, но я ничем не могу вам помочь. Поймите же, у меня в гостинице не осталось мест...

— Это я уже слышал, но сейчас уже ночь, на улице холодно. У вас что, совсем нет места, где мы могли бы переночевать в тепле?

Хозяин вздохнул, посмотрел на Марию, затем на Иосифа. Он зашел в дом и вернулся со светильником.

— Там, за домом, есть тропинка, которая ведет вниз. Пойдете по ней, она приведет вас к хлеву. Там достаточно чисто — по крайней мере, для хлева, — пожав плечами, он добавил: — И там достаточно тепло.

Иосиф не мог поверить своим ушам:

— ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ МЫ НОЧЕВАЛИ В ХЛЕВУ?

— Иосиф, — раздался голос Марии. Она слышала весь их разговор. Иосиф повернулся и взглянул на нее. Она улыбалась. Он знал, что означала эта улыбка: хватит спорить.

Иосиф глубоко вздохнул.

— Ладно, спасибо, — согласился он и взял светильник.

— Странно, — пробормотал себе под нос хозяин гостиницы после того, как Мария с Иосифом ушли. Повернувшись к жене, он спросил: — Как зовут того человека, который снял все комнаты?

Открыв книгу постояльцев, женщина просмотрела записи и ответила:

— Странное имя: Софио. Должно быть, какой-нибудь грек.

Мы окружили хлев кольцом света, опоясав его сверкающим ожерельем. Все ангелы собрались там, даже Михаил. Никто не сомневался, что Бог исполнит Свое обещание, но никто не знал, как именно Он это сделает.

— Я согрел воду!

— Зачем так кричать, Иосиф? Я и так прекрасно тебя слышу.

Мария услышала бы Иосифа, даже если бы он шептал. Хлев был даже меньше, чем он себе представлял, но хозяин гостиницы оказался прав — там было достаточно чисто. Я начал было выгонять оттуда овец и корову, но Михаил остановил меня:

— ОТЕЦ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ВСЁ ТВОРЕНИЕ ВИДЕЛО ЭТО.

Мария вскрикнула и схватила Иосифа за руку, а другой рукой вцепилась в кормушку с сеном. Сильная схватка заставила ее приподняться, затем она нагнулась вперед.

— Ты что, уже рожает? — спросил Иосиф.

Она лишь посмотрела на него, ничего не сказав, но он все понял.

Спустя какие-то мгновения родился Ожидаемый всеми. Мне досталась честь стоять на посту около супругов, лишь на шаг позади Михаила. Мы оба смотрели на сморщенное лицо Младенца. Иосиф положил сено на дно кормушки, которой суждено было стать первой кроваткой Иисуса.

Младенец был весь в Отца. Свет лучился от его личика и ручек. Та же слава, которую я видел, находясь в Его тронном зале, теперь сияла сквозь Его кожу.

Я понял, что должен петь, но не знал, что именно. У нас не было подобающей песни, подобающих слов. Мы никогда прежде не видели Бога в облике младенца. Когда Бог создавал звезды, слова нашей хвалы звучно раскатывались по вселенной. Когда Он спасал Своих слугителей, голоса наши пели Ему славу. Перед Его престолом не было конца нашим славословиям. Но какой песней можно было хвалить Бога, лежащего в кормушке для скота?

В этот момент случилось чудо. Когда мы смотрели на младенца Иисуса, завеса нашего неведения вдруг начала спадать. На ангельские легионы снизошло откровение.

Наш разум наполнился истиной, которой мы прежде не знали. Впервые нам стал известен замысел Отца — спасти тех, кто носит Его имя. Он открыл нам то, что должно было случиться. Одновременно с удивлением и страхом каждый из ангелов устремил свой взгляд на Младенца, точнее, на руки, которым надлежало быть пронзенными.

— Когда в них будут заколачивать гвозди, — сказал нам Бог, — вы не станете спасать Его. Вы будете видеть это, слышать это, вы будете желать спасти Его, но вы не сделаете этого.

Парагон и Эгус обернулись ко мне, взглядом моля об объяснении. Мне нечего было сказать им. *Я служу моему Царю, и я должен стоять и смотреть, как Его мучат?* Я взглянул на Михаила, его лицо окаменело от страдания. Я понял, что он чувствует то же, что и я. Приказ, услышанный нами, был непостижим для нас.

— КАК СМОЖЕМ МЫ МОЛЧАТЬ И БЕЗДЕЙСТВОВАТЬ, КОГДА ТЫ БУДЕШЬ СТРАДАТЬ? - спросили мы хором.

Ответа не последовало. Софио что-то шептал. Я переместился поближе к нему, чтобы услышать его слова:

— Младенец дан нам, Бог даровал нам Своего Сына. Он поведет народ Свой. Имя Ему наречется:

**ЧУДНЫЙ,
СОВЕТНИК,
БОГ КРЕПКИЙ,
ОТЕЦ, ВОВЕКИ СУЩИЙ,
КНЯЗЬ МИРА.**

Он будет изранен за их грехи, истязаем за то зло, которое они сотворили. Наказание, благодаря которому они будут исцелены, Он понесет на Себе. Ранами Его они исцелятся.

Вновь я слышал слова, впервые услышанные мною в тронном зале Царя. Но понимать их я начал только сейчас.

Так значит, это Он. Эммануил. Он и есть дар Бога людям. Спаситель. Он спасет людей Своих от грехов их.

— Достоин Агнец Божий, — прошептал я, склоняясь перед своим Богом. Чувства переполняли мое сердце. Я повернулся к Марии, которая укачивала Младенца, и заговорил. Она не могла меня слышать, да это и не имело значения. Звезды небесные слышали. Все творение Божие слышало мои слова. И, самое главное, мой Царь слышал меня.

— Знаешь ли ты, Мария, Кого ты держишь на руках? На твоих руках лежит Дарующий благодать. Тот, Кто именуется Вечносущим, сейчас переживает первые мгновения Своей жизни. Тот, Кого зовут Безграничным, припал к твоей груди и сосет молоко. Ноги Того, Кто прогуливается между звездами, сейчас слишком слабы, чтобы просто сделать шаг. Руки, вмещающие целые океаны, теперь — маленькие младенческие ладошки. Того, Кто никогда не задал ни единого вопроса, ты будешь учить тому, как называется ветер. Создатель твоей речи будет учиться у тебя словам. Того, Кто никогда не претыкался, ты будешь носить на руках. Того, Кто никогда не испытывал голода, ты будешь кормить. Царь всего творения лежит на твоих руках.

— Что же это за любовь? — прошептал Михаил, и вновь все погрузилось в молчание, охваченные благоговейным изумлением. Наконец, Михаил вновь раскрыл уста, на этот раз — для того, чтобы петь. Он начал очень тихо, медленно, раздельно произнося слова:

— СЛАВА, СЛАВА, СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ!

Один за другим мы присоединялись к нему.

— СЛАВА, СЛАВА, СЛАВА В ВЫШНИХ БОГУ!

Постепенно наше пение становилось все громче, темп его — все быстрее. «Слава, слава в вышних Богу! Слава, слава в вышних Богу! Слава, слава в вышних Богу!»

Наша хвала разносилась по всей вселенной. В самых отдаленных галактиках, на самых отдаленных планетах даже пыль поднималась в воздух от ее звука и танцевала в такт с нашим славословием. В глубинах океана воды вскипали, бурля хвалой. Мельчайшие существа вместе с величайшими созвездиями — все творение вместе с нами воспевало

**ЭММАНУИЛА,
БОГА, КОТОРЫЙ СТАЛ ПЛОТЬЮ.**

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Привычные нам рождественские образы: спящий Младенец, изумленные пастухи, Мария, с нежностью склонившаяся над Иисусом, — пробуждают в нас теплые, добрые и радостные чувства, даря ощущение покоя и мира. Таким видится нам Рождество, когда мы читаем о нем в Евангелиях от Матфея и Луки. В Книге же Откровение Иоанн предлагает нам взглянуть на события в несколько ином свете. Иоанн показывает нам, что рождение Иисуса пробуждает не только восторженные чувства — пробуждаются также и силы зла, начинающие активно действовать.

Приоткрывая небесный занавес, он описывает беспощадную войну, ведущуюся в духовном мире. Иоанн видит женщину, готовую родить. Он видит дракона, готового убивать. Женщина прекрасна, дракон омерзителен. Дракон бросается на новорожденного, но слишком поздно — Младенец вместе с матерью уже находятся в безопасности. Затем, пишет Иоанн, «произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них» (Откр. 12:7).

«Война на небе»... Я стал размышлять об этой войне: когда она началась, кто и против кого воевал, каков был смысл этой войны. «История, рассказанная ангелом» — плод моих раздумий.

Некоторые из моих коллег внесли свой вклад в дело создания этой книги. Юджин Петерсон — размышлениями о Книге Откровение, опубликованными под названием «Reversed Thunder» («Отзвук грома»), Филип Янси — своей статьей «Cosmic Combat» («Космическая битва»), опубликованной в журнале «Christianity Today», в номере от 12 декабря 1994 года. Эта статья помогла мне по-новому взглянуть на некоторые события и явления. Также я в долгу перед Дейвидом Ламбертом, автором рассказа «Earthward, Earthward, Messenger Bright». Это произведение, опубликованное в декабрьском номере «Moody Monthly» за 1982 год, представляет собой свежий, творческий взгляд на историю Рождества. Данный рассказ и вдохновил меня на создание «Истории, рассказанной ангелом».

Также я хотел бы выразить признательность Стиву Грину, Карен Хилл, Лиз Хиней и всему замечательному коллективу издательства «W Publishing Group» за их помощь в работе над книгой.

В какой-то мере «История, рассказанная ангелом» — плод моей фантазии. Во всем остальном она абсолютно правдива. Понравилось вам то, что было написано мною, или нет — не так уж и существенно. Несравненно важнее то, как вы относитесь к истине, лежащей в основе повествования.

К примеру, в Священном Писании нигде не упоминается о сосуде, в котором находилась Божественная сущность Христа, о могущественном демоне по имени Флумар или об ангеле Софию, как и о некоторых других персонажах и событиях, описанных в книге. В то же время Священное Писание совершенно определенно говорит о том, что

**«...НАША БРАНЬ НЕ ПРОТИВ КРОВИ И ПЛОТИ, НО ПРОТИВ НАЧАЛЬСТВ, ПРОТИВ
ВЛАСТЕЙ, ПРОТИВ МИРОПРАВИТЕЛЕЙ ТЬМЫ ВЕКА СЕГО, ПРОТИВ ДУХОВ ЗЛОБЫ
ПОДНЕБЕСНЫХ». Еф. 6:12**

Библия ничего не говорит нам об ангелах, пойманных в сеть, или о том, как сатана обольщал Гавриила лживыми речами. Зато в Писании ясно говорится, что сатана реален и все, к чему он стремится, — это быть подобным Всевышнему (см.: Ис. 14:14).

Все творение Божие разделено на два лагеря. В одном — те, кто служит Богу, в другом — те, кто служит сатане. Сатана движет неверующими и вдохновляет их (см.: Еф. 2:2), а Бог — источник жизни для тех, кто верует в Него (см.: Флп. 2:13). Верующим следует помнить о сатане, но бояться его они не должны. Сатана ходит повсюду как лев, ищущий, кого поглотить (см.: 1 Пет. 5:8), но верующим не следует страшиться, поскольку Тот, Кто живет в них, «больше того, кто в мире» (1 Ин. 4:4). Нам нужно облечься во всеоружие Божие, чтобы сражаться против «козней диавольских» (Еф. 6:11), и помнить о том, что сатана «принимает вид Ангела света» (2 Кор. 11:14).

Оружие, которое мы используем, сражаясь с сатаной, — то же, что у Гавриила и небесных воинов: молитва, хвала, истина и вера. Мы полагаемся не на собственные силы, но на силу Божью. «Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие. Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом...» (Еф. 6:14-18).

Наконец, Библия ничего не говорит нам о встрече в тронном зале, когда Бог предлагает Люциферу вернуться к Нему. Однако повсюду в Библии мы видим, как Бог дарует Свою милость отверженным и отступникам. Похоже, Он желает даровать нам Свою милость даже в большей степени, чем мы сами стремимся к ней. Эта божественная любовь заставляет меня задуматься: если бы сам старый змей взыскал милости, не смог бы и он обрести ее там же, где уже обрели милость миллионы ищущих — у подножия креста Христова?

Описание «войны на небе», которое мы встречаем в Книге Откровение, не отвечает на все наши вопросы, но дает ответ на самый важный из них. Иоанн говорит нам о Том, Кто победил. Это — Бог. Помимо этого, он пишет о том, к кому Бог неравнодушен. Это — вы. Если Бог так сражался, чтобы спасти вас, значит, Он и вправду думает, что вы стоите того, чтобы за вас бороться. Хотя многое в этой войне может оставаться неясным для нас, Его любовь к нам — несомненна. Бог действительно любит Своих детей.

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

